

КОУЛ
НАГАМАЦУ

НЕ БЫЛО
НАМ
ПОКОЯ

**LIKE
BOOK**

Москва
2022

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Н16

Cole Nagamatsu
WE WERE RESTLESS THINGS

Copyright © 2020 by Cole Nagamatsu.

Originally published in the United States by Sourcebooks Fire,
an imprint of Sourcebooks, Inc.
www.sourcebooks.com.

Перевод с английского *Полины Денисовой*

Художественное оформление *Александра Андреева*

Иллюстрация на переплете *Prima Leta*

Нагамацу, Коул.

Н16 Не было нам покоя / Коул Нагамацу ; [перевод с английского П. Денисовой]. — Москва : Эксмо, 2022. — 384 с.

ISBN 978-5-04-119349-2

Год назад тихий провинциальный городок шокировала новость о загадочной гибели семнадцатилетнего Линка Миллера. Его тело было найдено в лесу, но вскрытие показало, что он утонул.

Ноэми тяжело переживает потерю близкого друга. Только она знает, что в том лесу есть озеро, которое никто не может увидеть. Неожиданно девушка начинает получать сообщения от имени Линка, и события принимают опасный оборот.

Ноэми обращается за помощью к своему сводному брату и младшей сестре Линка. Втроем им предстоит разгадать тайну гибели ее друга.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Денисова П., перевод на русский язык,
2022

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2022

ISBN 978-5-04-119349-2

Посвящается моей матери

1

ДЖОНАС

Всю дорогу до нового дома Джонасу Лейку казалось, словно в горле у него нервно бьют крыльями мотыльки. Отец сказал, что он может выбрать себе спальню в «Лэмплайт-Инн». Их было три, к каждой примыкала собственная ванная. Отец прислал Джонасу фотографии комнат в надежде вызвать у него энтузиазм.

Мама сказала:

— Он старается как может. Постарайся и ты.

Джонас отвечал короткими, но вежливыми сообщениями: «Круто», «Выглядит здорово», «Я подумаю».

Мама села за руль своего «Фольксваген Джетта». В багажнике лежал чемодан с одеждой Джонаса; ноутбук он положил в рюкзак. А все другие вещи оставил в своей комнате в доме мамы.

— Все твое будет ждать тебя дома, — сказала она. — Это по-прежнему твой дом.

Впрочем, вещей оставалось совсем немного: телевизор да постеры с видеоиграми, которые он сто раз срывал со стен и приклеивал обратно. Джонас понятия не имел, когда он вернется домой насовсем.

С этих пор ему предстояло чувствовать себя как в гостях в любом доме. Чем ближе они подъезжали

к «Лэмплайт», тем дальше оставляли позади города-близнецы. Магазины по сторонам дороги сменились кукурузными полями; поток машин редел, пока они не остались на шоссе одни. Музыка по радио то и дело прерывали помехи, и Джонас задумался. Дом — это место, которое ты любишь? Или место, где ты живешь? И что происходит, когда эти два места не совпадают?

— Ну что ж, местная архитектура — это бездна своеобразия, — сказала мама.

К их чести, дома и правда были не такими одинаковыми и скучными, как жилые комплексы, которые они проехали раньше.

— Ага, — сказал Джонас. — Вроде того.

Когда они оказались на круговом проезде у «Лэмплайт-Инн», то увидели, что и у этого дома есть характер. Массивный коттедж с каменным сараем-кадетником, увитым диким виноградом. Серые, зеленые и кремовые стены дома покрывал слой плесени (ее зелень была гораздо темнее). Узорная резьба на коньках крыши кое-где потрескалась, а где-то и совсем отсутствовала.

Дом выглядел славно и явно нуждался в заботе. Джонасу это понравилось. Отец уже объяснил ему, что когда-то здесь жила одна семья, потом из здания сделали постоялый двор, потом его забросили, а теперь дому возвращали жилой вид. Хотя над воротами по-прежнему красовалась вывеска — деревянный овал с вырезанной на нем старинной масляной лампой¹, — постояльцев гостиница больше не принимала. Это был частный дом. Более или менее.

¹ Название коттеджа «Лэмплайт-Инн» (Lamplight Inn) переводится как «Отель «Свет Лампы». — *Примеч. ред.*

Несколько жильцов все же остались, и они помогали с уборкой и другими делами по дому.

Мэтт Лейк вышел из дома и остановился на парадном крыльце. Сразу за ним показалась и его девушка, Ческа. Меньше года назад отец сообщил Джонасу, что они с Ческой решили съехаться. Мэтт ни разу не предложил познакомить Джонаса с ней, а Джонас и не просил. Родители развелись, когда он был еще маленьким, и он не думал, что ему когда-нибудь придется жить с отцом. Так что Ческа была ему совершенно безразлична. Теперь, увидев ее живую, он осознал, что отец живет своей собственной жизнью и Джонасу в ней не место.

Мэтт представил всех друг другу. Речь его была торопливой, словно он выпил слишком много кофе. Мало того, он умудрился неловко пожать Джонасу руку, словно они не были знакомы. Ческа жизнерадостно поприветствовала Джонаса и его мать.

Обе женщины были стройными брюнетками с оливковой кожей. Шикарные женщины, однако шик Чески был особого рода. Сара Лейк предпочитала изящные лодочки, а Франческа Амато ходила босой. Сара носила юбку-карандаш и блузки ярких, естественных тонов. На Ческе было короткое платье-футболка в цветочек. Такое короткое, что Джонас отвел глаза, стараясь перестать таращиться на ее ноги.

Ческа небрежно зачесала волосы и подвела глаза черными стрелками. Отец рядом с ней смотрелся неуместно, словно ходячая реклама одежды для садоводов.

Джонас погрузился в свои мысли; звуки разговора превратились в фоновый шум. Затем, без даль-

нейших церемоний, мама вернулась к «Фольксвагену», съехала с подъездной дороги на шоссе и исчезла из его новой жизни.

Мэтт с Ческой провели Джонасу экскурсию по дому. Внутри затхло пахло сырой древесиной и старыми обоями. Джонас застывал у каждой двери ровно настолько, чтобы это промедление можно было принять за искренний интерес.

Ческа работала в магазине антиквариата, и в доме было немало необычных украшений. Растения по сторонам главной лестницы росли из голов фарфоровых кукол; у гостиной на страже стояла белая лошадка-качалка.

Джонас выбрал себе комнату, которая, по его мнению, представляла наименьший интерес для остальных: она лучше всего подходила для мальчика, который тоже никому не нужен. Грязно-зеленые обои отставали от стен по углам. С потолка свисала клетка, забитая разноцветными птичьими чучелами. Ческа украсила стены рисунками насекомых в рамках, которые она вырвала из какого-то старого учебника.

Мэтт с Ческой удалились, оставив его разбирать вещи и затворив за собой дверь. Закрываться на щеколду Джонасу не пришлось: искривленная рама держала дверь крепко.

Чемодан остался стоять посреди комнаты, а Джонас рухнул на кровать. Снизу чучела птиц казались просто круглыми разноцветными мячиками и напоминали систему крохотных планет.

Странно думать, что его отец живет в таком доме. Мэтт Лейк был тихоней. Джонасу нравилась громкая музыка: рэп и рок, от которых в гру-

ди разгоралось пламя. Мэтт слушал записи белого шума с названиями вроде «Бормочущий ручей» и «Летняя гроза». Он собирал огромные пазлы, которые — когда он еще жил с Сарой и Джоном — захватывали половину стола в гостиной. Он ежедневно чистил зубы ниткой. Мэтт знал, как пользоваться секстантом, но скрутить сигарету? Это вряд ли. А вот Ческа, наверно, умела крутить самокрутки.

В ящик тумбочки, куда в работающих гостиницах обычно клали Библию, Ческа положила полное собрание работ Иеронима Босха. Джонос часами листал описания к картинам, и в его памяти не осталось от них ровным счетом ничего: попадая ему в мозг, слова увядали, точно сад, высаженный на стеклянном холме.

* * *

В «Лэмплайт» было семь спален. Та, в которой остановился Джонос, и еще две, которые он не выбрал. Там сейчас никто не жил. Ческа с Мэттом делили самую большую комнату, и у Джоноса не было никакого желания ее осматривать. Были еще двое постояльцев, которые помогали с уборкой, ремонтом, платой за коммуналку и налогами на недвижимость — так они оплачивали аренду. У обоих было по комнате. Первая, Одри, работала парикмахером и была с ног до головы покрыта татуировками. Познакомившись с Джоном, она тут же обняла его. Джонос, ласковый и податливый не больше бродячей кошки, объятиям совершенно не обрадовался. Вторая, пожилая взъерошенная танцовщица по

имени Диана, была явно старше Сары с Мэттом, но не настолько старой, чтобы казаться Джонасу бабушкой.

Итак, оставалась еще одна комната — с еще одной обитательницей. Джонас знал, что у Чески была дочь, его ровесница. По крайней мере, так сказал Мэтт. Ческа казалась на несколько лет младше Мэтта, так что вряд ли ее дочь могла идти в одиннадцатый класс. Мэтт, пытаясь успокоить Джонаса, сказал, что Ноэми Амато «расскажет ему, что к чему», словно сам Джонас не знал, что такое старшая школа.

Комната Ноэми была напротив его. Когда он только приехал, дверь в нее была закрыта, но теперь Джонас заметил, что ее приотворили. Джонас утрамбовал свою громадную застенчивость в небольшой комок и спрятал поглубже в мысли. Ему изо всех сил хотелось найти союзника своих лет. Джонас не был уверен, что приоткрытая дверь означает приглашение войти, поэтому он постучал. Его взгляд упал на резную дверную ручку в форме лебеда из белого металла. Он подумал, что, наверное, живущий за дверью человек мягок и деликатен. Как перышко. Как балет.

Джонас ни разу не видел лебедей вживую и ничего не знал об их дурном нраве.

— Да? — раздался голос изнутри.

Джонас зашел в комнату.

О человеке можно многое сказать по тому, какими вещами он себя окружает. Пазлы и звездные карты Мэтта. Искусно стриженные кусты в саду Сары. Возрожденные к жизни старые игрушки Чески. Комната Ноэми была покрашена наполовину: темно-фиолетовая краска доходила до середины стен, где

внезапно обрывалась небрежными мазками, словно кто-то охладел к цвету, не успев закончить ремонт. Комнату то тут, то там пересекали ряды бельевых веревок, на которых висели фотографии. Портреты девочек в простых белых платьях на фоне природы; причудливые изображения, на которых тонкие руки и ноги призрачно таяли в тумане; волосы парили над головами, словно девушки скользили под водой. В одном углу комнаты стоял безликий манекен с надетым на голову черепом оленя.

Джонасу раньше не случалось заходить в девичьи спальни, и он понятия не имел, как им полагается выглядеть. Может, и не было никаких правил?

В седьмом классе он две недели «встречался» с Мелани Нельсон. За все это время они ни разу не разговаривали и даже не смотрели друг на друга. В итоге она его бросила. Сказала, что он какой-то слишком незаметный. Он не виделся с Мелани за пределами школы и, уж конечно, не бывал у нее в комнате.

В девятом классе он полтора месяца встречался с Эбби Пирс. В тот раз все было серьезнее: они ходили вместе в кино и другие общественные места, где вокруг были люди. Однажды она прислала ему свои фотографии в новом купальнике, где на фоне он видел ее комнату: пробковая доска, завешанная открытками от друзей, на которых он ничего не мог разглядеть. Впрочем, интересовало его на этих фотографиях нечто совершенно другое.

В прошлом году он встречался с Кэти Симмс. Четыре месяца — настоящий рекорд! Джонас однажды зашел к ней домой перед школьным балом, но ему пришлось прождать в гостиной, пока она не спусти-

лась с лестницы в расшитом блестками платье. Они пропустили бал, вместо этого отправившись на вечеринку у Эммы Литтл. Вечеринка проходила в подвале, так что и там жилые комнаты он не разглядел. Они с Кэти напились легкого пива и целовались на диване, пока ее рот не стал напоминать на ощупь сырую курятину. Он понятия не имел, что было у Кэти в комнате.

У Ноэми по центру спальни стояла кровать с балдахином. Она задернула белесые полупрозрачные занавески, сквозь которые едва заметно, как сквозь мутный кварц, виднелся ее тонкий силуэт. Интересно, подумал Джонас, надо ли ему подойти ближе? Хочет ли она, чтобы он подошел? Он ничего не знал об этом человеке, бок о бок с которым ему предстояло жить, есть и ходить в школу. Вероятно, ей нравился фиолетовый цвет, хотя и не очень сильно. Может, она увлекалась фотографией и не стеснялась собственных странностей. Джонасу показалось, что она не такая дружелюбная и открытая, как ее мать.

— Я сын Мэтта, — обратился он к постели. — Джонас. Моя комната напротив твоей.

Занавески раздвинулись, открывая маленький, угловатый полумесяц лица, похожего на лицо Чески. Оливковый тон кожи и бездна веснушек, словно темные капли на асфальте в начале летней грозы. Владелица лица не улыбнулась, не привстала его поприветствовать. Откинув длинные волосы с глаз, она внимательно изучала его, будто он был новым пятном плесени на стене у двери. Тяжелый взгляд, закрытая поза.

Джонас почувствовал, что вторгся на чужую территорию.

Она сказала «привет» и продолжила молчать. Джонасу показалось, что ему никогда не будет места в ее жизни. Что бы он ни делал, он будет ей мешать.

— Крутой у вас дом, — сказал он.

— Мама будет рада это услышать. — Она скривила губы в улыбке, и на ее щеке появилась ямочка.

Губы у нее полные, слегка бантиком. Наверное, мягкие. Наверное, на ощупь не похожи на сырую курятину. Темно-каштановые кудрявые волосы.

Джонас стоял в дверях, не зная, куда деть руки. Сложил их на груди. Нет, странно как-то. Он что, всегда так складывает руки? Одну на другую? Куда бы их пристроить... Собственное тело показалось незнакомым, почти враждебным: пустыня, в которой негде укрыться. Он болезненно ощущал напряжение каждой мышцы.

— Тебе что-то нужно? — спросила Ноэми.

У нее был низкий, хриловатый голос. Джонасу стало интересно: она всегда так разговаривает или, может, простыла? Вид у нее был здоровый, но ему не с чем было сравнить. Так или иначе, тембр ему понравился.

— Нет, — ответил он. — Просто зашел поздороваться.

— Ну, тогда спокойной ночи. — Она отпустила занавески и скрылась из вида.

Ошибиться было невозможно: ему приказали убраться из комнаты.

* * *

Мэтт пригласил Джонаса поужинать вдвоем в кафе «У Хильды». Мэтта тут знали: официантка назвала его по имени и, не спросив, что он будет зака-